

СОЦИАЛЬНЫЕ РЕАЛЬНОСТИ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Ретроспектива российского и советского профессионализма в оптике критической экологии¹

Р.Н. АБРАМОВ*, Е.Р. ЯРСКАЯ-СМИРНОВА**

***Роман Николаевич Абрамов** – кандидат социологических наук, доцент, кафедра анализа социальных институтов, НИУ ВШЭ. Адрес: 110100 Москва, ул. Мясницкая, 9/11. E-mail: sociportal@yandex.ru

****Елена Ростиславовна Ярская-Смирнова** – доктор социологических наук, профессор, кафедра общей социологии, НИУ ВШЭ. Адрес: 110100 Москва, ул. Мясницкая, 9/11. E-mail: eiaraskaia@hse.ru

Цитирование: Абрамов Р.Н., Ярская-Смирнова Е.Р. (2017) Ретроспектива российского и советского профессионализма в оптике критической экологии // Мир России. Т. 26. № 2. С. 103–127

В статье предложена теоретическая и методологическая перспектива анализа профессионализма – критическая экология. В начале статьи этот подход кратко представлен в ряду других направлений социологии профессий, после чего продемонстрирована его применимость к изучению истории становления профессионализма в России с XVIII в. до конца советского периода. Внимание уделяется институциональным, культурным, экономическим и социальным факторам, формировавшим среду российского профессионализма. Авторы рассматривают профессионализм как явление, менявшее свои формы в ходе социальных, политических и культурных изменений в дореволюционный период и в советское время. Изучение российской и советской истории профессий сквозь призму критической экологии позволяет проанализировать, как различные виды занятий реагировали на глубокие сдвиги в экономике, общественной и политической жизни.

Основная задача статьи – представить пути развития российских профессий и меняющихся представлений о профессионализме с учетом факторов критической экологии занятий и профессий, предложить возможные пути таких исследований, затронув макро-, экзо- и мезоуровни.

Ключевые слова: профессионализм, социология профессий, критическая экология профессий, российская история

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2016 г.

Введение

В социологии профессионализм чаще рассматривается на макроуровне как универсальный социальный феномен, вариативным образом развивающийся в современных обществах. В феноменологической перспективе профессионализм исследуется на микроуровне в контексте групповой коммуникации в процессе труда, в ходе которой вырабатываются смыслы, разделяемые представителями профессиональной группы. Авторы обращаются к критической экологии профессий – исследовательскому направлению, призванному примирить макро- и микроуровень профессионализма и совмещающему взгляд на институциональные универсалии со знанием локальных культурных контекстов и параметров профессиональных групп. В статье теоретическая оптика критической экологии профессий демонстрируется в аналитической ретроспекции феномена профессионализма в России. Анализируя досоциалистический и государственно-социалистический периоды становления институтов профессии и профессионализации в России, авторы предлагают рассматривать профессионализм как меняющееся, многослойное и многогранное явление. Для демонстрации возможностей критической экологии профессий осуществляется экскурс в историю российского и советского профессионализма и показывается, как различные внешние запросы и внутренняя социокультурная логика формировали и изменяли представления об этом явлении. Распространенная в советской социологии точка зрения о профессионализме как о мастерстве, высокой квалификации и ответственности в труде, основанном на владении специфическим инструментарием, а также характерными для классической западной социологии определениями профессионализма как этической системы, необходимой для сплоченности и стабильности общества, авторами статьи пересматривается и дополняется неовеберинской трактовкой. Согласно этой логике, профессионализм – это система аргументов, поддерживающая восходящую мобильность представителей того или иного рода занятий. В статье продемонстрировано, как менялось и переосмысливалось содержание этой системы в контекстах дореволюционной, советской и постсоветской России.

Критическая экология профессий

Экологический подход в социологии восходит к чикагской школе и представлен в различных дисциплинах – от социологии организаций до социологии города [Park 1925; Баньковская 1997]. В социологии занятий и профессий также имеется своя традиция социальной экологии [Hughes 1971; Николаев 2011]: термин «экология» относится к контекстам или средам, в которых работает специалист, и тем условиям, которые на разных уровнях создают возможности или барьеры для различных типов профессиональной практики.

Один из классиков неовеберинского подхода в социологии профессий Эндрю Эббот предложил идею взаимосвязанных экологий, которую он, в отличие от традиционных для социологии экологических трактовок, понимает несколько иначе. Если обычное экологическое объяснение рассматривает систему акторов

в более или менее фиксированной среде, то в системе «связанных экологий каждая действует как гибкое окружение для других» [Abbot 2005, p. 246]. Экологический анализ профессий у Э. Эббота выглядит следующим образом: профессия представляет собой экологию в онтологическом смысле (это система акторов, задач и связей между ними); профессии вовлекаются в конкурентную борьбу за сферы полномочий, постоянно приобретая или утрачивая юрисдикцию в какой-то области; каждое такое событие, которое происходит в одной профессии, ведет соседние экологии, например, смежные профессии к новым победам и новым поражениям. В этом Э. Эббот усматривает экологический, протяженный характер истории профессий и тем самым создает «теоретическую альтернативу телеологической историографии, в которой профессии развиваются как независимые сущности» [Abbot 2005, p. 247]. В качестве связанных с какой-либо профессией экологий могут выступать не только другие профессии, но университеты, политика и так далее. Как внутри отдельных экологий, так и между смежными экологиями возникают связи по различным синхронным и диахронным переменным. Так, пишет Э. Эббот, одна из важных тенденций в экологии профессий – это историческое ускорение ритмов акторов. В XIX в. профессионалы обучались с юности, и дополнительное образование в течение жизни им было не нужно. Но на рубеже XX в. инженеры, например, убеждались в недостатках своих знаний еще до того, как завершали свою карьеру. Что касается настоящего времени, то представители практически всех профессий сталкиваются с таким стремительным ритмом [Abbot 2005, p. 254].

Критическая экология профессии ставит сходную исследовательскую проблему генезиса профессионализма и формирования профессиональных групп в различных географических, физических и культурных контекстах (таблица 1). Здесь важны представления самих практиков о профессионализме: восприятие того, что значит «быть профессионалом» в конкретной области, включая самовосприятие практикующих профессионалов, восприятие их окружающими группами и институтами, а также универсальные черты практики в каждом контексте. Этот подход восходит к работам У. Бронфенбреннера, который выделял несколько уровней экосистемы (микро-, мезо-, экзо- и макро-) применительно к изучению контекстов профессиональной практики. У. Бронфенбреннер предложил использовать эти уровни как набор структур, расположенных по принципу матрешки, а также обозначил еще один уровень – хроносистему – для описания исторических изменений в экосистеме [Bronfenbrenner 1986]. В этой статье внимание фокусируется именно на этом уровне анализа.

Концепцию критической экологии профессий активно развивает новозеландская исследовательница Кармен Дэлли с коллегами [Dalli, Miller, Urban 2012], которые применили критическую перспективу к изучению политических и социальных реалий, испытаний и вызовов, задающихся контекстом профессиональной практики на разных уровнях профессиональной системы. В данной ситуации профессионализм рассматривается не как феномен, сформированный «раз и навсегда и для всех», а именно как процесс [Dalli 2010]. В этом подходе принято говорить о профессионализме как о многоуровневом социальном феномене, который находится под влиянием изменений на макроуровне (например, государственной политики и приоритетов) и изменений микроуровня (рабочей среды, повседневной и культуры на рабочем месте), на каждом из которых существует собственная

повестка запросов и ожиданий относительно содержания профессионализма [Karila 2008]. Интерес также представляет и то, как в будущем станут относиться к профессионализму в той или иной группе занятий в меняющихся организационных и национальных контекстах.

Перспектива критической экологии позволяет рассмотреть профессионализм как социальный феномен и осмыслить его институциональную историю. Общепринятые социологические подходы к изучению профессий развивались в русле, характерном для англо-американского контекста. Странники этих трактовок разделяют идею *профессионализма как системы ценностей*, необходимой для сплоченности и стабильности общества. Подобная точка зрения была пересмотрена в 1970–1980-е гг. [Evetts 2003; Романов, Ярская-Смирнова 2012], и профессионализм стал пониматься как *система аргументов, направленных на оправдание власти и доминирования профессионалов*. Работы, вдохновленные неовеберрианским подходом и марксистской критикой, отличались скептицизмом в отношении профессий: *профессионализм* рассматривался, например, как *«третья логика», в противовес рынку и организациям* [Freidson 2001] или как *идеология*, поддерживающая претензии на статус и безопасное получение дохода в конкуренции с другими группами занятости [Johnson 1972], направленная на обеспечение «профессионального проекта» [Larson 1977], т.е. восходящей мобильности, легитимации собственной монополии, поддержание юрисдикции, или сферы полномочий в пределах рынка определенных услуг [Abbott 1988], установление «договорного порядка» на государственном уровне в собственных интересах [Cooper, Lowe, Puxty, Robson, Willmott 1988].

Таблица 1. Основные определения терминов экологической системы применительно к профессионализму

Экологический уровень	Определение
Микросистема	Ситуации, в которых специалист физически присутствует и взаимодействует лицом к лицу со значимыми другими. Повседневные определения профессионализма самими специалистами и другими участниками повседневных ситуаций
Мезосистема	Связи между микросистемами. Групповые определения, профессиональная идентичность, сообщества
Экосистема	Площадки, на которых специалисты не участвуют, но принимаются значимые решения, влияющие на профессионалов-практиков. Корпоративные и бюрократические определения, ожидания руководства от профессионалов
Макросистема	Планы, проекты для конкретного общества, концепции, предположения и ожидания. Публичные дискурсы о профессионализме. Ценности, идеология в рамках культурных, социально-экономических и политических контекстов
Хроносистема	Развитие экосистемы во времени

Примечание: доработано по [Garbarino 1992; Dalli, Miller, Urban 2012, p. 7].

Итак, в соответствии с идеями неовеберианского подхода профессионализация – это процесс увеличения статуса посредством социального закрытия [Larson 1977; Abbott 1988; Saks 1995]. Именно в ходе социального закрытия формируется профессионализм, который становится для группы специалистов инструментом легитимации своей монополии на предоставление определенного вида услуг [Evetts 2003; Кульман 2007; Романов, Ярская-Смирнова 2011]. Этот прицел позволяет рассмотреть особенности развития профессионализма как обоснования претензий профессионалов на эксклюзивный статус, на привилегии и монополию в определенной сфере услуг, а также как инструмента укрепления этоса профессиональных групп.

Профессионализм формируется на платформе тех приоритетов и идеалов, которые во многом транслируются в широком социокультурном контексте по каналам массовой коммуникации. Профессионалы, создавая собственные ценностно-нормативные установки исполнения своей роли, ориентируются на государственные регламенты, коммодифицированные отношения на рынке услуг и товаров, относящихся к сфере профессиональной деятельности, на рамки организационной культуры, административные порядки, а также на те фреймы, которые задаются с участием пациентов и групп потребителей.

В континентальной Европе и социалистических странах профессиональные группы не всегда выступали главными акторами формирования профессионализма: часто профессионализация насаждалась «сверху» усилиями государства, игравшего главную роль в развитии института профессии [Siegrist 1990; Sciulli 2005]. Но и здесь значение государства неодинаково и варьируется в зависимости от страны и исторического периода. Так, изучая советское прошлое, невозможно не учитывать деятельность правящей партии – КПСС: однопартийное авторитарное бюрократическое государство «снабжало» профессии дополнительными идеологическими рамками и функциями [Jones 1991]. При этом и в российском дореволюционном, и в советском контексте социальные группы, относящиеся к различным типам постоянной трудовой занятости, получали широкие номинации, которые не могут быть сведены к англо-американской классификации, где узкая группа интеллектуальных занятий относится к профессиям (*professions*), а остальные являются занятиями (*occupations*). В России и СССР «интеллигенция», «профессионалы», «специалисты» и даже рабочие рассматривались как социально-профессиональные группы, и государство с ними обращалось соответствующим образом [Абрамов 2005; Мансуров, Юрченко 2013].

Именно ввиду неопределенности терминологии, ее разнородности во времени и пространстве сравнительные исследования по истории труда, занятости и профессий затруднены, но чрезвычайно интересны [Романов, Ярская-Смирнова 2009, с. 31]. По аналогии с социально-антропологическим подходом Криса Ханна к определению гражданского общества авторы придерживаются контекстуально обусловленного подхода к определению профессий. По мнению К. Ханна, следует пересмотреть определение гражданского общества, соотнести и приспособить его к местным условиям, а не переносить западную концепцию напрямую в контексты постсоциалистических стран [Hann 2002, p. 9]. Он считает, что исследование гражданского общества предполагает принятие во внимание неформальной практики, которая является центральной как в государственном социализме, так и в постсоциализме [Hann 1996, p. 3].

В нашем случае необходимо принять во внимание определение профессии в отечественном контексте. По сравнению с Западной Европой, где профессионализм осознавался отличительной характеристикой представителей среднего класса с его самостоятельностью и ответственностью за свою работу, для дореволюционного периода характерна специфика понимания профессионализма как проявления этики служения Российскому государству.

В свою очередь, в советских нормативных документах и энциклопедических словарях трудовая и профессиональная деятельность не различаются в принципе. Под термином «профессионал» понимался «мастер своего дела», и труд слесаря считался не менее престижным, чем труд врача. Такое понимание было хорошо совместимым с трактовкой социальной структуры советского общества, в которой, по официальной точке зрения, не было среднего класса (являющегося базой профессий в капиталистических странах), поэтому профессии изучались в рамках социологии труда [Романов, Ярская-Смирнова 2009, с. 29–30]. Во многом такая концепция сохранилась у ряда социологов и до недавнего времени, в частности, в публикации 2005 г. к категории «профессионалы» отнесены квалифицированные рабочие, специалисты высшей и средней квалификации, руководители организаций и предприятий [Голенкова, Игитханян 2005].

Определения и нормативная база функционирования профессий, статусные характеристики профессиональной занятости меняются под воздействием как внутренних, так и внешних факторов. Вот почему изучение институциональной истории профессий в дореволюционной, советской и постсоветской России требует учитывать социальные трансформации до, во время и после окончания государственного социализма [Krause 1991, p. 5].

Профессии и профессионализация в досоциалистический период

Профессиональное обучение технических экспертов в России введено Петром I в начале XVIII в. в военном деле, горном деле, медицине, государственном управлении, и это сформировало макросреду раннего российского профессионализма. Инженерное дело и медицинские профессии развивались особенно интенсивно вследствие тесной связи с армией; вес этих профессий также был связан с самодержавным характером правления в России [Тимошенко 1997]. Одним из первых учебных заведений стала Школа математических и навигацких наук, созданная в Москве в 1701 г. и призванная готовить морских офицеров и государственных служащих нового типа. Петр I разрушил прежнюю сословную систему и создал новую, основанную на служении государству и закрепленную в Табели о рангах – системе чинов, действовавшей на протяжении почти всей истории Российской империи. Эта система классифицировала практически всех работников нефизического труда, занятых в государственном аппарате. Представители таких занятий являлись «офицерами государства», что отразилось на экологической среде организации сообществ и их статусе. Данная система создала структуру российского общества и еще несколько столетий оказывала влияние на ценностное ядро профессионализма в различных группах занятий.

Открытие новых университетов и административные реформы М.М. Сперанского в начале правления Александра I расширили институциональную базу

формирования профессионального корпуса в России, который, однако, еще долгое время был включен в государственную бюрократическую систему [Шепелев 1999].

Поражение в Крымской войне 1853–1856 гг. обнажило промышленное и социальное отставание России, нехватку квалифицированных кадров в военной и гражданской сферах, что угрожало позиции страны на европейской арене. Либеральный характер «Великих реформ» Александра II, ознаменовавшихся отменой крепостного права, позволил резко повысить уровень географической, социальной и интеллектуальной мобильности различных групп населения [Balzer 1996, p. 56] и реконфигурировал экологическую среду профессионализма на всех уровнях. Сословия и Табель о рангах упразднены не были, но социальная структура Российской империи стала более подвижной, адаптированной к потребностям капитализма и ускоренного экономического развития: разночинцы сформировали особый слой образованных людей – российскую интеллигенцию, выработавшую собственную культуру, этос и институты, часто находившиеся в оппозиции к государственной власти [Щетинина 1995].

Несмотря на преимущественно аграрный тип экономики страны вплоть до конца XIX в., Великие реформы и развитие капитализма привели к росту численности интеллигенции, основную часть которых составляли профессионалы – инженеры, врачи, журналисты, юристы, учителя и профессора университетов [Лаверычев 1974; Pomernanz 1999]. Земства также нуждались в квалифицированных кадрах: счетоводах, стенографистах, архитекторах, почтовых служащих [Королева 2005; Balzer 1996], – и на микроуровне создавали новую экологическую нишу для занятости профессионалов. Профессиональная система ценностей новых групп специалистов «основывалась на квалификации и меритократии» [Bailes 1996, p. 40] в противовес наследственным принципам сословного устройства на государственной службе или конкуренции и извлечения прибыли в среде российских предпринимателей [Freeze 1992, p. 41].

Несмотря на существование обществ предпринимателей и купечества, более заметную социальную активность проявляли новые общества, образованные на общероссийском и местном уровнях представителями интеллигентских профессий. В 1866 г. было создано Русское Техническое общество, и вслед за ним появились Химическое и Физическое общества, Общество горного дела, Общество русских врачей и другие. Эти организации проводили конференции, публиковали исследования и издавали профессиональные журналы. Специалисты выражали свои позиции со страниц журналов, на конференциях, собраниях профессиональных ассоциаций, в образовательных учреждениях и средствах массовой информации [Бредли 1994].

Для некоторых профессиональных групп (конторщиков, типографских работников) важным мотивом профессиональной самоорганизации была солидарность и необходимость противостоять низкому социальному статусу, недостаточной оплате труда и угрозе безработицы [Balzer 1996]. Они формировали кружки, обсуждали насущные проблемы, стараясь влиять на решения властей и привносить непосредственные изменения в такие области, как образование, здравоохранение, национальная оборона и экономическое развитие страны [Лейкина-Свирская 1981; Bailes 1996]. Влияние государства не позволяло профессиональным сообществам быть в полной мере автономными или саморегулирующимися, но их разочарование в государстве создавало почву для установления в интеллигентской среде культуры критического отношения к власти.

Дальнейшие события в политической и социальной жизни страны повлияли и на профессиональную сферу. Недовольство существующим режимом стало значительным, когда Александр III приостановил и даже свернул многие либеральные преобразования своего отца. Однако экономическое развитие продолжалось, и к началу XX в. Россия претерпела серьезную модернизацию промышленности и транспортной системы при сохранении архаичной политической системы самодержавия. В целом становление многих современных профессий пришлось на дореволюционный период. Их развитие шло в условиях жесткого государственного контроля и подчиненности профессионального труда административной системе, и в то же время оно ознаменовалось появлением самоорганизуемых профессиональных сообществ, боровшихся за расширение своих политических, гражданских и социальных прав и занимавшихся просветительской деятельностью [Ryavec 2003]. Поэтому к началу революции 1905 г. российское общество имело многоукладный и сложный характер, где в разных экологических нишах сосуществовали различные типы профессионализмов.

Ускоренная индустриализация и рост монопольного капитализма привели к накоплению политических, социально-экономических и культурных противоречий, что вылилось в стихийные протесты и революционные события 1905 и 1917 гг. Бедственным было бесправное положение рабочих, которое усугублялось на фоне общего ухудшения здоровья и падения уровня жизни населения в целом [Кирьянов 1979]. Политически активное меньшинство радикальной и либеральной интеллигенции вызвало к жизни революционные настроения в широких массах. С Октябрьской революции 1917 г. начался процесс радикальной трансформации структуры российского общества и глубокого преобразования идентичности и образа жизни многих профессиональных групп.

Переосмысление профессий и профессионализации в первые десятилетия государственного социализма

Процесс экономической и социальной модернизации при социализме стимулировал создание новых или изменение существующих институтов управления производством, систем здравоохранения, образования, охраны правопорядка, права и принципов технологического развития. В рамках системы централизованного экономического планирования все виды экономической активности были поставлены под всеобъемлющий контроль обширной партийно-государственной администрации [Mrowczynski 2012], что привело к эрозии одних профессиональных групп и открыло новые экологические ниши для других.

В ранний послереволюционный период трудовое законодательство было реформировано в целях устранения капиталистических элементов трудовых отношений и изменения структуры занятости населения [Декрет 1917]. Рабочий класс провозглашался гегемоном социалистического государства; женщины официально получили широкие политические и социальные права: целью их эмансипации была мобилизация человеческих ресурсов для задач строительства нового общества [Здравомыслова, Темкина 2003; Ashwin 2000].

С конца 1920-х гг. важным приоритетом социальной политики стало обеспечение заводских рабочих базовыми медицинскими услугами. При этом врачи

стремились выдавать как можно меньше больничных листов, испытывая давление со стороны государства, заинтересованного в максимизации использования человеческих ресурсов [Новикова 2014; Журавлев, Мухин 2004]. Как представляется, трансформация социальной политики в отношении рабочих в первые годы советской власти отражает, в том числе, перестройку иерархии занятий и профессий и подчеркивает новую роль медицинской профессии в СССР, которая из относительно небольшой и престижной социальной группы превратилась в массовую отрасль занятости. Эта отрасль была представлена не только академической элитой и известными врачами, но и массой низкооплачиваемых врачей-практиков, насчитывающих все больше и больше женщин. Условия работы врачей провинциальных и сельских больниц нередко были ужасающими [Мохова 2010].

Классификация профессий и стратификация общества

Первая советская классификация профессий, использованная в переписи населения в 1920 г., была разработана советским социологом и экономистом С.Г. Струмилиным и его коллегами [Струмилин 1921]. Статистический ежегодник 1921 г. содержит информацию о 29 группах профессий, в т.ч. о профессиях в сельском и лесном хозяйстве, горнодобывающей промышленности, текстильной промышленности, строительстве, связи, транспорте, общественном питании, гигиене, искусстве, образовании, финансах, медицине, фармацевтике, также в нем опубликованы сведения о профессиональной группе советских служащих (квалифицированных работников) и чернорабочих [Статистический ежегодник-1921 1922].

Инструкции по переписи населения определяли профессию как «занятие, к которому опрашиваемый наиболее приспособлен по своей специальной подготовке или по своей прежней работе, хотя бы эта профессия не была его главным занятием» [Всеобщая перепись 1920, с. 18–19]. Эти инструкции отражали неустойчивое положение многих образованных профессионалов и широких слоев населения, столкнувшихся с безработицей, голодом, политическими преследованиями и вынужденной миграцией в первые годы после революции. В инструкции говорилось, что конкретный респондент мог не заниматься своей профессией в течение долгого времени; в качестве примера приводились фабричные рабочие, крестьяне или ремесленники, врачи и другие [Всеобщая перепись 1920, с. 19].

Стремление советской власти рационализировать промышленное производство было связано с научной организацией труда, и вопросы профессионализации в данном аспекте были чрезвычайно важны. Но поскольку, согласно официальной доктрине, СССР был первым в мире государством трудящихся, основанным на диктатуре пролетариата, профессионализация в 1920-е гг. многими идеологами воспринималась негативно, и сами управленцы ощущали ее как угрозу своему статусу и карьере [Beissinger 1988, p. 189]. Влияние этой установки искажало формы профессионализации разных групп вплоть до позднего советского периода. С течением времени, однако, уровень профессионального образования управленцев повысился, их функции стали более сложными и специализированными [Шаттенберг 2000]; начал расти статус «белых воротничков», особенно тех профессий, которые были связаны с управленческой деятельностью.

Социальная и профессиональная структура социалистического общества менялась в ходе военно-промышленной модернизации, и функциональная специализация вела к развитию современных профессий, вынужденных приспособляться к обедненной институциональной среде тоталитарного общества. Спектр и представительность профессий в СССР в целом соответствовали картине в других промышленных странах того времени. Приоритет отдавался развитию инженерных профессий и созданию класса лояльной режиму интеллигенции: врачей, юристов, писателей, художников и учителей – «работников идеологического фронта». Некоторые профессии не возникли вовсе (социальный работник, специалист по связям с общественностью, специалист по рекламе), другие были запрещены на долгие десятилетия, как, например, психотерапевт. Развитие многих научных отраслей (например, таких как социология, психология, биология, архивное дело) также проходило в неблагоприятных условиях, включавших репрессии в отношении ведущих специалистов [Graham 2004].

Можно было бы сделать вывод о преобладающей роли в развитии профессий технологического уклада, а не государства и политического режима. Однако именно в русле экологического подхода следует учитывать значение различных факторов в создании модели профессионализма в конкретном социальном, историческом и политическом контексте. Все эти условия способствовали формированию особого «профиля» на карте профессий со своими акцентами и лагунами, сильными и слабыми сторонами. Несмотря на кажущееся сходство палитры профессий и родов занятий в различных индустриальных державах, существовала важная специфика, связанная, в числе прочих, с особенностями социальной структуры общества при социализме, с ролью и приоритетами партии и правительства, характером различных социальных институтов. В частности, при обсуждении профессионализма и профессионализации следует обязательно проанализировать характер и роль профессиональных объединений.

Профессиональные организации

Профессиональные ассоциации хоть и не были запрещены, но находились под пристальным надзором. Любое проявление групповых интересов, отклонение от партийных установок могли быть истолкованы как антисоветская деятельность. Помимо этого, общественные группы инженеров, агрономов, врачей и учителей постоянно испытывали давление со стороны советских органов безопасности [Finkel 2007, pp. 67–68]. Под схожим давлением находились и представители искусства. При этом декларировалось поощрение различных форм самоуправления, включая молодежные организации, научно-технические общества или профсоюзы. Появившиеся в 1921 г. научно-технические общества были важной формой коллективной организации профессионалов и одной из немногих экологических ниш для проявления самостоятельности. Они направляли коллективную деятельность и предоставляли участникам символические ресурсы и неформальные связи, в то же время помогали партийному и хозяйственному аппарату управлять страной и отраслями экономики в режиме наделения ответственностью отдельных групп. Занимаясь популяризацией науки и технологий, научно-технические

общества поддерживали творческие инициативы, поощряли трудовых энтузиастов, хотя в период индустриализации они также были жестко подчинены государственной политике [Накаси́ма 2001]. Впоследствии, в 1954 г., управление этими организациями отошло профессиональным союзам, объединявшим рабочих, крестьян, служащих всех профессиональных групп (интеллигенцию), а также студентов профессиональных училищ и вузов. Профсоюзы рассматривались как «школы коммунизма», руководимые коммунистической партией и вносящие вклад в строительство социализма.

В первой половине 1930-х гг. в СССР была создана система «творческих союзов», включавшая Союз Композиторов, Союз Художников, Союз Архитекторов и Союз театральных деятелей. Они представляли собой гильдии, осуществлявшие внутренний идеологический контроль над деятельностью своих же членов и способствовавших упрощению профессиональной среды творческих профессий. Творческие союзы выполняли профессиональные и бюрократические функции, не являясь при этом ни профсоюзом, ни профессиональной ассоциацией, что становилось барьером профессионализации [Wilensky 1964].

В СССР творческие союзы жестко контролировали представителей творческой интеллигенции, руководствуясь указаниями партии и НКВД-КГБ [Золотоносов 2013]. В то же время они предоставляли своим членам значительные преимущества в профессиональной деятельности: гарантированные гонорары, социальные привилегии, заказы на романы, картины, песни. Однако для профессионалов, не состоявших в этих объединениях, фактические возможности для работы в художественной сфере были весьма ограничены [Tomoff 2006]. Эти профессиональные объединения являлись сообществами со строгой, монопольной властью над профильными видами творческой деятельности и высоким уровнем социальной закрытости, представляя собой некие «охраняемые зоопарки» профессионалов. В таком виде они просуществовали вплоть до распада СССР.

Идеологический контекст профессионализации

Понятие профессионализации в 1920–1930-е гг. связывалось с разделением труда и развитием определенного призвания на основе сознательного включения в социалистическое строительство. Это означало, что люди должны были осваивать навыки и учиться новым знаниям, достигать новые уровни квалификации, больше учиться и продвигаться по карьерной лестнице. Одновременно идеи специализации знания и труда воспринимались как не соответствующие идеалам социальной справедливости и однородности. Профессионализация нередко представлялась как угроза равенству: подразумевалось, что этот процесс мог привести к отчуждению индивида и его работы от широких масс и углублению классового неравенства.

НЭП и восстановление промышленности в 1921–1928 гг. выявили дефицит технических специалистов. Отчасти эта нехватка восполнялась за счет приглашенных из Германии и США инженеров и профессионалов с дореволюционным опытом («спецов»), к которым относились с подозрением и при первой возможности их заменяли на «социально близких» инженеров, подготовленных в советской системе образования – «выдвиженцев» [Шаттенберг 2011].

С конца 1920-х гг., в течение всего периода сталинских репрессий, некоторые ученые и инженеры работали в секретных лабораториях при тюрьмах («шарашках»). Следует напомнить, что нетерпимость к «старым» профессионалам как к «недобитой буржуазии» была легитимизирована еще в учении К. Маркса о классовом неравенстве. В 1930-е гг. критика сталинской модели управления экономикой со стороны образованных профессионалов расценивалась как вред промышленной и идеологической мощи советской власти, и борьба со «старыми кадрами» служила плану И.В. Сталина по формированию новой элиты [Fitzpatrick 1979], способствуя выработке нового понимания профессионализма как квалифицированного труда на благо советского государства.

К началу войны большая часть старых, дореволюционных профессионалов была заменена советскими специалистами, чья социализация проходила в образовательных учреждениях советского периода. Эти специалисты стали государственными служащими, исполнявшими функции контроля над населением, идеологической поддержки режима и технического переоснащения армии и промышленности в условиях нарастания милитаристской истерии и действительной угрозы большой войны.

В военный период произошло затронувшее экологию целого ряда занятий переосмысление профессионализма, которое было вызвано необходимостью тотальной мобилизации человеческих и технических ресурсов на военные нужды. В этих условиях, например, военная медицина пережила настоящий взлет; появилось несколько очень влиятельных «врачей-генералов», составивших врачебную элиту страны. На фоне сталинских репрессий, лишивших командирский корпус РККА многих тысяч кадровых военных, в период ВОВ стал формироваться новый образ офицерской профессии, связанный с традициями дореволюционного русского офицерства, практическим опытом боев и идеологией борьбы с фашизмом. В 1943 г. для повышения профессионального престижа военной профессии в армию были возвращены погоны (по образцу погон офицеров императорской армии) и прежнее название профессии «офицер» вместо революционного – «красный командир». В военный период вырос статус инженерной элиты – конструкторов новых видов вооружений, чьи компетенции были остро востребованы военной промышленностью². Резко увеличилось число женщин-военнослужащих, работавших в госпиталях и узлах связи и принимавших участие в боевых действиях в качестве диверсантов, снайперов, летчиков. В тылу женщины и подростки заменяли квалифицированных рабочих на предприятиях, и в целом участие женщин в традиционных сферах мужской занятости стало очень заметным [Груздева, Чертихина 1983].

В сфере здравоохранения во время и после войны одной из целей являлось увеличение числа медицинских работников: общее количество врачей выросло вдвое в период 1940–1950 гг. Однако в плане технического оснащения медицинская профессия в СССР значительно отставала от западной [Krause 1991, p. 14], и зарплаты основной части медиков оставались на низком уровне [Манкевич 2010].

Послевоенное восстановление экономики позволило заметно повысить качество жизни в 1960-е гг. [Harris 2013]. Ознаменовавшая окончание массовых репрессий хрущевская оттепель выявила «плавное ослабление партийного над-

² Должность генерального конструктора еще долго была символом вершины профессиональной иерархии.

зора и идеологического давления на деятельность представителей медицинских, юридических, научных и инженерных профессий» [Krause 1990, p. 9]. Относительная либерализация произошла и в сфере литературы, театра, кино и изобразительного искусства, породив «шестидесятников» – нового поколения представителей интеллектуальных профессий [Alekseeva, Goldberg 1990], образовавших собственные социокультурные ниши с относительной свободой творческого самовыражения.

Новая научно-техническая интеллигенция

Послевоенный период характеризуется расширением доступа к техническому высшему образованию и появлением феномена советской научно-технической интеллигенции (НТИ). Интеллигенция, определяемая в переписи населения как «работники умственного труда», составляла не менее 20% населения на 1959 г., причем 54% от этой группы были женщины [Народное хозяйство СССР 1961, с. 24–25]. Инженерные профессии развивались быстрее других в силу своей ключевой роли в приоритетном для страны технологическом развитии. Советское государство инвестировало значительные средства в образование и создание рабочих мест инженеров в военно-промышленном комплексе, аэрокосмической отрасли, а также в энергетике, связи и других гражданских отраслях [Gerovitch 2015].

Степень профессиональной автономии в подгруппах научно-технической интеллигенции была разной и зависела от ситуации в конкретной отрасли [Josephson 1997]. Представители НТИ работали в прикладных исследовательских институтах (НИИ), вузах, инженерных отделах и лабораториях при промышленных предприятиях, в Академии наук СССР, а также на секретных предприятиях и в «закрытых городах», выполнявших стратегический оборонный заказ [Brown 2013].

Технологическая модернизация коснулась и медицинской профессии. В период оттепели качество подготовки врачей и улучшение оснащения больниц медицинской техникой стали новым приоритетом государственной политики [Krause 1991, p. 14]. Значительный рост штатов в советской системе здравоохранения сопровождался организационным переустройством и расширением сферы ее деятельности [Бартон 2007]. Эта реформа соответствовала международным тенденциям специализации медицинской профессии и повышения иерархического статуса врачей-специалистов по сравнению с врачами общей практики [Бартон 2007]. Критерии профессионализма советских врачей 1950–1960-х гг. включали неукоснительное подчинение всем правилам единой системы здравоохранения и владение всем современным научным и технологическим медицинским инструментарием.

Воодушевленная политикой либерализации времен хрущевской оттепели, а также успехами советской науки 1960-х гг. советская научно-техническая интеллигенция формировала особую рабочую этику, основанную на бескорыстии, честности, ответственности и преданности работе [Абрамов 2015]. Представителей этого круга также характеризовало презрительное отношение к бюрократической иерархии и демонстрация широкой эрудиции, превосходящей узкопрофессиональные знания [Lipovetsky 2013].

Профессии и профессионализация в позднесоциалистическую эпоху

Официальный марксистско-ленинский канон 1950–1980-х гг. устанавливал для ученых, занимавшихся социальными исследованиями, простую модель советского общества, сформулированную И.В. Сталиным в 1930-е гг. Согласно этой модели, рабочие и колхозники являлись главными классами социалистического общества (причем первые были объявлены «гегемоном революции»), в то время как интеллигенция объявлялась «прослойкой», пополнявшей свои ряды выходцами из рабочих и крестьян. В хрущевскую эпоху советская идеология ставила главной целью достижение социального равенства и однородности социалистического общества [Подмарков 1973].

Вопреки заявленным ценностям социального равенства, условия труда, заработная плата, привилегии и общий престиж различных рабочих профессий в разных отраслях сильно варьировались. Самые квалифицированные «синие воротнички» работали на оборонных производствах, в то время как другие отрасли (например, сельское хозяйство, пищевая промышленность и др.) испытывали нехватку квалифицированных кадров. Однако в 1970–1980-х гг. рабочие профессии становились все менее престижными.

Процесс урбанизации в период хрущевской оттепели (1955–1964 гг.) сопровождался разворачиванием советской модели общества потребления. В городской среде активно развивался сектор услуг, поэтому широкое распространение получили такие профессии, как продавцы-консультанты, парикмахеры, техники по ремонту бытовой техники, портные. Невысокий социальный статус таких занятий и низкая официальная зарплата компенсировались теневыми гонорарами от частных заказчиков и развитием микросетей обмена профессиональными услугами.

Советские социологи 1970-х гг. выделяли такие существенные атрибуты профессии, как подготовка, уровень квалификации и общественное признание [Подмарков 1973, с. 103]. В период 1970–1980-х гг. началась стагнация советской экономики, что негативно сказалось на благосостоянии большинства квалифицированных специалистов. Экономические проблемы проявлялись в повсеместном дефиците товаров и услуг и породили значительный теневой сектор, частично восполнявший этот дефицит в масштабах всей страны [Eaton 2004]. Можно утверждать, что «пионерами» неформального сектора экономики стали фарцовщики, спекулянты, работающие нелегально портные, стоматологи, строители, маклеры и многие другие, и их опыт впоследствии оказался весьма востребованным на ранних стадиях оформления капиталистических отношений в России [Романов, Ярская-Смирнова 2007].

К концу советской эпохи научно-техническая интеллигенция стала крупной социально-профессиональной группой, утратившей свой прежний трудовой энтузиазм и относительную автономию, которыми она обладала в 1960-е гг. Причинами этого можно назвать застой в высокотехнологичных отраслях, сокращение возможностей для вертикальной мобильности и относительное снижение уровня заработной платы. Политические «заморозки» брежневского застоя отразились на настроениях представителей НТИ: усилились апатия и безразличное отношение к работе на фоне снижения возможностей для творчества.

Быстрый рост числа студентов и выпускников технических вузов сопровождался падением качества их подготовки. Преподавание в школах становилось

все менее престижным, уровень оплаты труда и автономии учителей стремительно снижался. Тем не менее отдельные инициативы в профессиональной среде (например, движение педагогов-новаторов, творческие мастерские) все же получали свое развитие, как и альтернативные интеллектуальные течения в сфере искусства и социальных наук [Kind-Kovacs, Labov 2012].

М. Филд указывал на гибридный характер медицинской профессии при социализме, говоря о «сочетании политической беспомощности с клиническим (профессиональным) всевластием» [Field 1991, p. 58]. Однако, несмотря на подчиненное положение профессионалов, не стоит недооценивать инновационную и проактивную позицию, которую занимали, например, многие врачи в отношении своей работы и охраны здоровья населения. Они научились использовать жесткую бюрократическую систему в своих интересах, в особенности в установлении неформальной стоимости медицинских услуг [Riska, Novelskaite 2011, p. 83].

Для конца советского периода характерно сочетание жесткого контроля над профессиональными группами и возросшей роли неформальных связей. Социальные сети, формировавшиеся на рабочих местах, сохранялись и давали их участникам поддержку, основанную на общей рабочей самоидентификации [Knudsen 2014]. Профессиональная жизнь организовывалась через множество различных неформальных практик, переговоров и взаимозависимых отношений: существовали целые ареалы, в которых профессионалы могли накапливать экспертные и культурные ресурсы. Неформальные связи играли большую роль не только в рабочих отношениях между работниками и управляющими [Romanov 1995], но проникали во все сферы жизни советских предприятий, что во многом и позволяло продолжать их работу [Ashwin 1999, p. 143].

Несмотря на обширные возможности подстраиваться под существующую систему и манипулировать ею с помощью широкого спектра неформальных практик, к концу перестройки большинство профессиональных групп к условиям своей работы относились критически, что выражалось и в формах политической мобилизации – забастовках шахтеров, митингах научно-технической интеллигенции, расколах в союзах творческой интеллигенции.

Заключение

Социокультурные условия формирования профессионализма являются сложным ансамблем различных факторов, включают исторические контексты, институциональные ресурсы и ограничения, внешние и внутренние элементы культурной среды и влияние широкого общественного мнения в отношении тех или иных профессионализированных занятий. Поэтому для решения задач данного исследования авторы обратили свое внимание на экологию профессий как теоретико-практическую оболочку формирования комплекса занятий в российских условиях. Отдельное внимание было уделено анализу исторической протяженности конструирования отечественной модели профессионализма и демонстрации определяющей роли государства в этом процессе на различных этапах.

Изучение российской и советской ретроспективы профессионализма показывает, как различные виды занятий отвечали резким и многочисленным изменениям

в экономике, общественной и политической жизни. Профессии оказывались либо в центре изменений, либо адаптировались, занимая специфические экологические ниши. В исследовании профессий экологическая перспектива представляется весьма плодотворной, поскольку позволяет учитывать взаимосвязь социокультурных, экономических, политических и других контекстов возникновения, изменения и осмысления профессий. В связи с этим авторами были намечены возможные контуры таких исследований на макро-, экзо- и мезоуровнях. Источниками эмпирических данных для исследований на микроуровне могут быть, например, жизненные истории, наблюдение рабочего повседневного контекста, дискурсы профессионализма в СМИ.

Профессиональная занятость прошла долгий путь развития, включивший всю историю реформ, революций, войн и политических чисток, экономической и социальной модернизации. Если в западных странах профессиональные группы часто боролись за повышение роли государства, способного противостоять политике тотального невмешательства в свободный рынок [Abbot 1988], то в Российской империи общество испытывало нехватку предпринимательских ценностей и свободы деятельности. Будучи зависимыми от государства, профессии стремились к достижению определенной автономии и расширению возможностей для саморегуляции, что стало одним из направлений реформ Александра II и изменений в законодательстве после революционных событий 1905 г. Речь идет о реформах в области права и высшего образования, а также легализации профсоюзного движения. Анализ профессиональных изданий инженеров и конторщиков конца XIX – начала XX в. показывает, что в них в речь шла и о перспективах формирования профессиональных сообществ на началах самоорганизации [Абрамов 2005].

Советское государство создало новую карту профессий, уничтожив или «перековав» старые профессиональные группы. В институциональном контексте государственного социализма партийное государство осуществляло регуляцию во всех сферах, включая предоставление ограниченного уровня коллективной автономии определенным профессиональным группам [Mrowczynski 2012]. Официальная пропаганда прославляла трудовые подвиги и профессионализм рабочих, врачей и учителей, подавляя или запрещая целые профессиональные группы.

Необходимо отметить, что профессиональные знания, навыки и взаимовыручка всегда составляли основу солидаризации профессионалов. Внутренние ценности, нормы и понятия, сложившиеся неформальным образом в повседневной рабочей практике, а также взаимоотношения с сотрудниками и клиентами лежали в основе правил поведения и границ коллективной идентичности. При этом на протяжении всего рассматриваемого периода коллективная идентичность разных профессий формировалась в тесной связке с государственным аппаратом. Эта связь, прослеживаемая еще с имперского периода развития российской культуры, когда государство определяло статус и идентичность разных профессиональных групп, сохранилась в социалистический период и частично остается в силе в постсоветской России [Becker 2011]. Государство предпринимало попытки рационализировать постоянно меняющиеся механизмы разделения труда в различных секторах и отраслях экономики. В конце 1990-х гг. и в начале XXI в. карта профессий в России активно перекраивалась: новые формы профессионализации появлялись как «снизу» через активность бизнеса и профсоюзов, так и «сверху» посредством государственного регулирования. Сегодня границы между различными профессиями

ями и типами занятости становятся более подвижными, стратегии профессионализации – более гибкими, а ресурсы построения профессиональной идентичности – более разнообразными.

Литература

- Абрамов Р.Н. (2005) Российские менеджеры: социологический анализ становления профессии. М.: УРСС. С. 64–68.
- Абрамов Р.Н. (2015) Профессиональные культуры и социальная память на примере дискурса о советских и постсоветских технических специалистах // Божков О.Б. (ред.) Наше прошлое: ностальгические воспоминания или угроза будущему? СПб.: Эйдос. С. 223–239.
- Баньковская С.П. (1997) Ведущие теоретики Чикагской школы. Идеи и подходы // Давыдов Ю.Н. (ред.) История теоретической социологии. В 4 т. Т. 3. М.: Канон. С. 117–140.
- Бартон К. (2007) Здравоохранение в период позднего сталинизма и дух послевоенного государства благоденствия. 1945–1953 годы // Журнал исследований социальной политики. Т. 5. № 4. С. 541–558.
- Бредли Дж. (1994) Общественные организации и развитие гражданского общества в дореволюционной России // Общественные науки и современность. № 5. С. 77–89.
- Всеобщая перепись 1920 года. Демографическо-профессиональная и сельскохозяйственная, с учетом промышленных предприятий. М.: Центральное статистическое управление.
- Голенкова З.Т., Игитханян Е.Д. (2005) Профессионалы – портрет на фоне реформ // Социологические исследования. № 2. С. 28–36.
- Груздева Е.Б., Чертихина Э.С. (1983) Труд и быт советских женщин. М.: Политиздат.
- Даль В. (1865) Толковый словарь живаго великорусского языка. Т.2. М.: Типография Лазаревского института восточных языков. С. 629–1351.
- Декрет об уничтожении сословий и гражданских чинов (1957) // Декреты советской власти. В 11 т. Т. 1: 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. М.: Политиздат. С. 71–72.
- Журавлев С.В., Мухин М.Ю. (2004) «Крепость социализма». Повседневность и мотивация труда на советском предприятии, 1928–1938 гг. М.: РОССПЭН.
- Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. (2003) Государственное конструирование гендера в советском обществе // Журнал исследований социальной политики. Т. 1. № 3–4. С. 299–322.
- Золотоносов М.Н. (2013) Гадюшник. Ленинградская писательская организация: Избранные стенограммы с комментариями (Из истории советского литературного быта 1940–1960-х годов). М.: Новое литературное обозрение.
- Кирьянов Ю.И. (1979) Жизненный уровень рабочих России (конец XIX – начало XX в.). М.: Наука.
- Константиновский Д.Л., Шубкин В.Н. (1977) Молодежь и образование. М.: Наука.
- Королева Н.Г. (2005) Земское самоуправление в России, 1864–1918. М.: Наука.
- Лейкина-Свирская В.Р. (1981) Русская интеллигенция в 1900–1917 годах. М.: Мысль.
- Манкевич Д.В. (2010) О некоторых проблемах развития советского здравоохранения Калининградской области в конце 1940-х середине 1950-х годов (по материалам областных архивов) // Ретроспектива: Всемирная история глазами молодых исследователей. № 5. С. 62–71.
- Мансуров В.А., Юрченко О.В. (2013) Социология профессиональных групп в России: история становления и перспективы // Вестник Института социологии. № 7. С. 91–106.
- Мохова А.В. (2010) Кадровая политика советского государства в 1930-х гг. в сфере здравоохранения (на примере Хакасии) // Известия Алтайского государственного университета. № 4-2. С. 166–170.
- Накаси́ма Т. (2001) Изменение структуры инженерно-технических обществ в период «великого перелома» // Новый мир истории России: Форум японских и российских исследователей. М.: Аиро-XX. С. 292–305.

- Народное хозяйство СССР в 1960 году (1961). Статистический ежегодник. М.: Центральное статистическое управление при Совете Министров СССР.
- Николаев В.Г. (2011) Роберт Эзра Парк как теоретик социологии. Избранные очерки. М.: ИНИОН РАН.
- Новикова Е.Н. (2014) Охрана материнства и детства среди сельского населения УССР в 1930-х годах // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Т. 8. № 179. С. 115–123.
- Подмарков В.Г. (1973) Введение в промышленную социологию (социальные проблемы социалистического промышленного производства). М.: Мысль.
- Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. (2009) Мир профессий: пересмотр аналитических перспектив // Социологические исследования. № 8. С. 25–35.
- Романов П., Ярская-Смирнова Е. (2007) Трузера и крабы для советского потребителя: будни подпольного капитализма фарцовщиков // Романов П., Ярская-Смирнова Е. (ред.) Профессии.doc. Социальные трансформации профессионализма: взгляды снаружи, взгляды изнутри. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ. С. 152–170.
- Руткевич М.Н. (1984) К социальной однородности. М.: Прогресс.
- Статистический ежегодник-1921 (1922) // Труды Центрального Статистического управления, VIII (3) // http://istmat.info/files/uploads/29739/statezh_1921_trud.pdf
- Струмилин С.Г. (1921) К вопросу о классификации труда // Организация труда. № 1. С. 2–6.
- Тимошенко С.П. (1997) Инженерное образование в России. Люберцы: ПИК ВИНТИ.
- Титма М.Х. (1975) Выбор профессии как социальная проблема. М.: Мысль.
- Шубкин В.Н. (1965) Молодежь вступает в жизнь (на материале социологического исследования проблем трудоустройства и выбора профессии) // Вопросы философии. № 5. С. 57–70.
- Шаттенберг С. (2000) Техника – политична: о новой, советской культуре инженера в 30-е годы // Вихавайнен Т. (ред.) Нормы и ценности повседневной жизни: Становление социалистического образа жизни в России, 1920–1930-е годы. СПб.: Нева. С. 193–217.
- Шаттенберг С. (2011) Инженеры Сталина: Жизнь между техникой и террором в 1930-е годы. М.: РОССПЭН.
- Шепелев Л.Е. (1999) Чиновный мир России: XVIII – начало XX в. СПб.: Искусство-СПб.
- Щетинина Г.И. (1995) Идеальная жизнь русской интеллигенции: конец XIX – начало XX вв. М.: Наука.
- Abbot A. (2005) Linked Ecologies: States and Universities as Environments for Professions // *Sociological Theory*, vol. 23, no 3, pp. 245–274.
- Abbott A.D. (1988) *The System of Professions: Essay on the Division of Expert Labour*, Chicago: University of Chicago Press.
- Abramov R. (2014) The History of Sociological Research on Occupations and Professions in the USSR 1960–80s: Ideological Frameworks and Analytical Resources // Higher School of Economics. Research Paper. WP BRP 40/SOC/2014 // http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2430178
- Alekseeva L., Goldberg P. (1990) *The Thaw Generation: Coming of Age in the Post-Stalin Era*, University of Pittsburgh Press.
- Ashwin S. (2000) Introduction: Gender, State and Society in Soviet and post-Soviet Russia // *Gender, State and Society in Soviet and Post-Soviet Russia* (ed. Ashwin S.), London and New York: Routledge, pp. 1–29.
- Bailes K.E. (1996) Reflections on Russian Professions // *Russia's Missing Middle Class: the Professions in Russian History* (ed. Balzer H.D.), Armonk, NY, London, pp. 39–54.
- Balzer H.D. (1996) The Engineering Profession in Tsarist Russia // *Russia's Missing Middle Class: the Professions in Russian History* (ed. Balzer H.D.), Armonk, NY, London, pp. 55–88.
- Becker E.M. (2011) *Medicine, Law, and the State in Imperial Russia*. Budapest: CEU Press.
- Beissinger M.R. (1988) *Scientific Management, Socialist Discipline, and Soviet Power*, Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Bronfenbrenner U. (1986) Ecology of the Family as a Context for Human Development // *Developmental Psychology*, vol. 22, no 6, pp. 723–742.
- Brown K. (2013) *Plutopia: Nuclear Families, Atomic Cities, and the Great Soviet and American Plutonium Disasters*, Oxford: Oxford University Press.

- Cooper D., Lowe A., Puxty A., Robson K., Willmott H. (1988) Regulating the UK Accountancy Profession: Episodes in the Relation Between the Profession and the State. Paper presented at ESRC Conference on Corporatism at the Policy Studies Institute, London, January.
- Dalli C. (2010) Towards the Re-Emergence of a Critical Ecology of the Early Childhood Profession in New Zealand // *Contemporary Issues in Early Childhood*, vol. 11, no 1, pp. 61–74.
- Dalli C., Miller L., Urban M. (2012) *Early Childhood Grows Up Towards a Critical Ecology of the Profession*, Springer.
- Eaton K. (2004) *Daily Life in the Soviet Union*, Greenwood: Greenwood Press Daily Life Through History.
- Evetts J. (2003) Sociological Analysis of Professionalism. Occupational Change in Modern World // *International Sociology*, vol. 18 (2), pp. 395–415.
- Field M. (1991) The Hybrid Profession: Soviet Medicine // *Professions and the State. Expertise and Autonomy in the Soviet Union and Eastern Europe* (ed. Jones A.), Philadelphia: Temple University Press, pp. 43–62.
- Finkel S. (2007) *On the Ideological Front: The Russian Intelligentsia and the Making of the Soviet Public Sphere*, Yale University Press.
- Fitzpatrick S. (1979) Stalin and the Making of a New Elite, 1928–1939 // *Slavic Review*, vol. 38, pp. 377–402.
- Freeze G.L. (1992) Between Estate and Profession: the Clergy in Imperial Russia // *Social Orders and Social Classes in Europe since 1500: Studies in Social Stratification* (ed. Bush M.L.), Longman, pp. 47–65.
- Freidson E. (2001) *Professionalism, the Third Logic. On the Practice of Knowledge*, University of Chicago Press, Chicago.
- Garbarino J. (1992) *Children and Families in the Social Environment* (2nd ed.), New York: Aldine de Gruyter.
- Gerovitch S. (2015) *Soviet Space Mythologies: Public Images, Private Memories, and the Making of a Cultural Identity*, Pittsburgh: University of Pittsburgh Press.
- Graham L.R. (2004) *Science in Russia and the Soviet Union. A Short History*. Series: Cambridge Studies in the History of Science, Cambridge University Press.
- Hann C. (1996) Introduction: Political Society and Civil Anthropology // *Civil Society. Challenging Western Models* (eds. Hann C., Dunn E.), London; New York: Routledge, pp. 1–26.
- Hann C. (2002) Farewell to the Socialist ‘Other’ // *Postsocialism. Ideals, ideologies and practices in Eurasia* (ed. Hann C.), London; NY: Routledge, pp. 1–11.
- Harris S.E. (2013) *Communism on Tomorrow Street Mass Housing and Everyday Life after Stalin*, Washington: Woodrow Wilson Center Press.
- Hughes E.C. (1971) *The Sociological Eye. Part III: Work and Self*, Chicago: Aldine.
- Jones A. (ed.) (1991) *Professions and the State: Expertise and Autonomy in the Soviet Union and Eastern Europe*, Philadelphia: Temple University Press.
- Josephson P.R. (1997) *New Atlantis Revisited: Akademgorodok, the Siberian City of Science*, Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Kind-Kovacs F., Labov J. (eds.) (2012) *Samizdat, Tamizdat, and Beyond: Transnational Media During and After Socialism*, New York: Berghahn Books.
- Knudsen I.H. (2014) Moonlighting Strangers Met on the Way: the Nexus of Informality and Blue-collar Sociality in Russia // *The Informal Post-Socialist Economy: Embedded Practices and Livelihoods* (eds. Morris J., Polese A.), Routledge, pp. 51–66.
- Larson M. (1977) *The Rise of Professionalism: A Sociological Analysis*, Berkeley: University of California Press.
- Lipovetsky M. (2013) The Poetics of ITR Discourse: In the 1960s and Today // *Ab Imperio*, no 1, pp. 109–131.
- Mrowczynski R. (2012) Self-Regulation of Legal Professions in State-Socialism: Poland and Russia Compared // *Rechtsgeschichte [Legal History]*, no 20, pp. 170–188. Available at: http://rg.rg.mpg.de/en/article_id/802, accessed 1 March 2017.
- Park R.E., Burgess E.W., Mackenzie R.D. (1925) *The City*, Chicago: University of Chicago Press.
- Pomeranz W. (1999) “Profession or Estate?” The Case of the Russian Pre-Revolutionary Advocatura // *Slavonic and East European Review*, vol. 2, no 77, pp. 241–268.

- Riska E., Novelskaite A. (2011) Professionalism and Medical Work in a Post-Soviet Society: Between Four Logics // *Anthropology of East Europe Review*, vol. 29, no 1, pp. 82–93.
- Romanov P. (1995) Middle Management in Industrial Production in the Transition to the Market // *Management and Industry in Russia. Formal and Informal Relations in the Period of Transition* (ed. Clarke S.), Aldershot, Brookfield: Edward Elgar, pp. 182–211.
- Ryavec K.W. (2003) *Russian Bureaucracy: Power and Pathology*, Oxford: Rowman & Littlefield Publishers.
- Sciulli D. (2005) Continental Sociology of Professions Today: Conceptual Contributions // *Current Sociology*, vol. 53, no 6, pp. 915–942.
- Siegrist H. (1990) Professionalization as a Process. Patterns, Progression and Discontinuity // *Professions in Theory and History. Rethinking the Study of the Professions* (eds. Burrage M., Torstendahl R.), London, Newbury Park, New Delhi, pp. 177–202.
- Tomoff K. (2006) *Creative Union: The Professional Organization of Soviet Composers, 1939–1953*, Cornell University Press.
- Wilensky H.L. (1964) The Professionalization of Everyone? // *American Journal of Sociology*, no 70, pp. 137–158.

The Retrospective of Russian and Soviet Professionalism through the Optics of Critical Ecology

R. ABRAMOV*, E. YARSKAYA-SMIRNOVA**

***Roman Abramov** – Associate Professor, Candidate Science in Sociology, the Analysis of Social Institutions Department, Higher School of Economics. Address: 9/11 Myasnitskaya St., Moscow, 101000, Russian Federation. E-mail: sociportal@yandex.ru

****Elena Yarskaya-Smirnova** – professor, Doctor of Science in Sociology, the Department of General Sociology, Higher School of Economics. Address: 9/11 Myasnitskaya St., Moscow, 101000, Russian Federation. E-mail: eiaarskaia@hse.ru

Citation: Abramov R., Yarskaya-Smirnova E. (2017) The Retrospective of Russian and Soviet Professionalism through the Optics of Critical Ecology. *Mir Rossii*, vol. 26, no 2, pp. 103–127 (in Russian)

Abstract

This article presents a critical ecology of professions as a new theoretical and methodological perspective on the understanding professionalism in sociology. The article first considers this approach with respect to the main areas of research in the sociology of professions. Then the analytical possibilities of this approach are demonstrated by applying it to studies of the history of the development of professions in Russia from the 18th century to the end of the Soviet period. Attention is paid to the institutional, cultural, economic and social factors which shape the environment of professionalism in Russia. The authors consider professionalism as a changing, multi-layered and multi-faceted phenomenon, analysing the pre-socialist and state-socialist periods of the

formation of occupations and process of professionalization in Russia. The retrospective study of Russian and Soviet professionalism shows how different occupations have responded to the numerous, dramatic changes in economic, social and political life. Professions were either moving toward the centre of the changes, or were adapting, taking certain ecological niches. The article shows that professional employment went through a long development, including reforms, revolutions, wars, political purges, and economic and social modernization. Being dependent on the state, the professionals of the Russian empire sought to achieve some autonomy and to widen opportunities for self-regulation. The Soviet state created a new map of occupations, destroying or “reforging” old professional groups. Official propaganda glorified the feats of labour and the professionalism of blue collar workers, doctors and teachers, while suppressing or inhibiting some other professional groups. Professional knowledge and skills formed the basis of the mutual solidarity of professionals. The internal values, norms and concepts developed informally in daily working practices and relationships with employees and customers, became the basis of the rules of conduct and the boundaries of collective identity. These symbolic elements formed the core of professionalism as a value system and ideology in social historic environment. At the same time throughout the period under consideration, the collective identity of various professions was formed in close conjunction with the state apparatus. The government attempted to rationalize the ever-changing mechanisms of the division of labour in different sectors and industries.

Key words: professionalism, sociology of professions, critical ecology of professions, Russian history

References

- Abbot A. (2005) Linked Ecologies: States and Universities as Environments for Professions. *Sociological Theory*, vol. 23, no 3, pp. 245–274.
- Abbott A.D. (1988) *The System of Professions: Essay on the Division of Expert Labour*, Chicago: University of Chicago Press.
- Abramov R.N. (2005) *Rossijskie menedzhery: sotsiologicheskij analiz stanovleniya professii* [Russian Managers: Sociological Analysis of the Development of the Profession], Moscow: URSS, pp. 64–68.
- Abramov R. (2014) The History of Sociological Research on Occupations and Professions in the USSR 1960–80s: Ideological Frameworks and Analytical Resources. *Higher School of Economics*. Research Paper. WP BRP 40/SOC/2014. Available at: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2430178, accessed 1 March 2017.
- Abramov R. (2015) Professional’nye kul’tury i sotsial’naya pamyat’ na primere diskursa o sovetskikh i postsovetskikh tekhnicheskikh spetsialistakh [Professional Cultures and Social Memory: a Case Study of Discourse about Soviet and post-Soviet Technical Specialists]. *Nashe proshloe: nostalgicheskie vospominaniya ili ugroza budushchemu?* [Our Past: Nostalgic Memories or Threat to the Future?] (ed. Bozhkov O.B.), Saint-Peterburg: Eidos, pp. 223–239.
- Alekseeva L., Goldberg P. (1990) *The Thaw Generation: Coming of Age in the Post-Stalin Era*, University of Pittsburgh Press.
- Ashwin S. (2000) Introduction: Gender, State and Society in Soviet and Post-Soviet Russia. *Gender, State and Society in Soviet and Post-Soviet Russia* (ed. Ashwin S.), London and New York: Routledge, pp. 1–29.

- Bailes K.E. (1996) Reflections on Russian Professions. *Russia's Missing Middle Class: the Professions in Russian History* (ed. Balzer H.D.), Armonk, NY, London, pp. 39–54.
- Balzer H.D. (1996) The Engineering Profession in Tsarist Russia. *Russia's Missing Middle Class: the Professions in Russian History* (ed. Balzer H.D.), Armonk, NY, London, pp. 55–88.
- Ban'kovskaia S.W. (1997) Vedushchie teoretiki Chicagskoi shkoly. Idei i podkhody [The Leading Theorists of the Chicago School. Ideas and Approaches]. *Istoriya teoreticheskoi sotsiologii* [The History of the Theoretical Sociology]. In 4 volumes. Vol. 3 (ed. Davydov Yu.N.), M.: Kanon, pp. 117–140.
- Becker E.M. (2011) *Medicine, Law, and the State in Imperial Russia*, Budapest: CEU Press.
- Beissinger M.R. (1988) *Scientific Management, Socialist Discipline, and Soviet Power*, Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Bradley J. (1994) Obshchestvennye organizatsii i razvitie grazhdanskogo obshchestva v dorevolyutsionnoi Rossii [Voluntary Associations and the Development of Civil Society in Pre-revolutionary Russia]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no 5, pp. 77–89.
- Bronfenbrenner U. (1986) Ecology of the Family as a Context for Human Development. *Developmental Psychology*, vol. 22, no 6, pp. 723–742.
- Brown K. (2013) *Plutopia: Nuclear Families, Atomic Cities, and the Great Soviet and American Plutonium Disasters*, Oxford: Oxford University Press.
- Burton Ch. (2007) Zdravookhranenie v period pozdnego stalinizma i dukh poslevoennogo gosudarstva blagodenstviya, 1945–1953 gody [Public Health in the Period of Late Stalinism and the Ghost of the Postwar Welfare State, 1945–53]. *Zhurnal issledovaniya sotsial'noj politiki*, vol. 5, no 4, pp. 541–558.
- Cooper D., Lowe A., Puxty A., Robson K., Willmott H. (1988) *Regulating the UK Accountancy Profession: Episodes in the Relation Between the Profession and the State*. Paper presented at ESRC Conference on Corporatism at the Policy Studies Institute, London, January.
- Dal' V. (1865) Tolkovyiy slovar' zhivago velikorusskogo iazyka [The Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Volume 2, Moscow: Tipografiya Lazarevskago instituta vostochnykh iazykov, pp. 629–1351.
- Dalli C. (2010) Towards the Re-Emergence of a Critical Ecology of the Early Childhood Profession in New Zealand. *Contemporary Issues in Early Childhood*, vol. 11, no 1, pp. 61–74.
- Dalli C., Miller L., Urban M. (2012) *Early Childhood Grows Up Towards a Critical Ecology of the Profession*, Springer.
- Dekret ob unichtozhenii soslovij i grazhdanskikh chinov (1957) [The Decree on the Elimination of Estates and Civic Ranks]. *Dekrety sovetsoj vlasti* [Decrees of the Soviet Power]. T. 1: 25.10.1917 – 16.08.1918, Moscow: Politizdat, pp. 71–72.
- Eaton K. (2004) *Daily Life in the Soviet Union*, Greenwood: Greenwood Press Daily Life Through History.
- Evetts J. (2003) Sociological Analysis of Professionalism. Occupational Change in Modern World. *International Sociology*, vol. 18 (2), pp. 395–415.
- Field M. (1991) The Hybrid Profession: Soviet Medicine. *Professions and the State. Expertise and Autonomy in the Soviet Union and Eastern Europe* (ed. Jones A.), Philadelphia: Temple University Press, pp. 43–62.
- Finkel S. (2007) *On the Ideological Front: The Russian Intelligentsia and the Making of the Soviet Public Sphere*, Yale University Press.
- Fitzpatrick S. (1979) Stalin and the Making of a New Elite, 1928–1939. *Slavic Review*, vol. 38, pp. 377–402.
- Freeze G.L. (1992) Between Estate and Profession: the Clergy in Imperial Russia. *Social Orders and Social Classes in Europe since 1500: Studies in Social Stratification* (ed. Bush M.L.), Longman, pp. 47–65.
- Freidson E. (2001) *Professionalism, the Third Logic. On the Practice of Knowledge*, University of Chicago Press, Chicago.
- Garbarino J. (1992) *Children and Families in the Social Environment* (2nd ed.), New York: Aldine de Gruyter.
- Gerovitch S. (2015) *Soviet Space Mythologies: Public Images, Private Memories, and the Making of a Cultural Identity*, Pittsburgh: University of Pittsburgh Press.

- Golenkova Z.T., Igithanyan E.D. (2005) Professionalny – portret na fone reform [Professionals – a Portrait Against the Background of Reforms]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 2, pp. 28–36.
- Graham L.R. (2004) *Science in Russia and the Soviet Union. A Short History. Series: Cambridge Studies in the History of Science*, Cambridge University Press.
- Gruzdeva E.B., Chertikhina E.S. (1983) *Trud i byt sovetskikh zhenshchin* [Labor and Everyday Life of Soviet Women], Moscow: Politizdat.
- Hann C. (1996) Introduction: Political Society and Civil Anthropology. *Civil Society. Challenging Western Models* (eds. Hann C., Dunn E.), London; New York: Routledge, pp. 1–26.
- Hann C. (2002) Farewell to the Socialist ‘Other’. *Postsocialism. Ideals, ideologies and practices in Eurasia* (ed. Hann C.), London; NY: Routledge, pp. 1–11.
- Harris S.E. (2013) *Communism on Tomorrow Street Mass Housing and Everyday Life after Stalin*, Washington: Woodrow Wilson Center Press.
- Hughes E.C. (1971) *The Sociological Eye*. Part III: Work and Self, Chicago: Aldine.
- Jones A. (ed.) (1991) *Professions and the State: Expertise and Autonomy in the Soviet Union and Eastern Europe*, Philadelphia: Temple University Press.
- Josephson P.R. (1997) *New Atlantis Revisited: Akademgorodok, the Siberian City of Science*, Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Kind-Kovacs F., Labov J. (eds.) (2012) *Samizdat, Tamizdat, and Beyond: Transnational Media During and After Socialism*, New York: Berghahn Books.
- Kiryarov Yu.I. (1979) *Zhiznennyi uroven' rabochikh Rossii (konets 19 – nachalo 20 v.)* [Workers' Living Standards in Russia, late 19th – early 20th century], Moscow: Nauka.
- Knudsen I.H. (2014) Moonlighting Strangers Met on the Way: the Nexus of Informality and Blue-collar Sociality in Russia. *The Informal Post-Socialist Economy: Embedded Practices and Livelihoods* (eds. Morris J., Polese A.), Routledge, pp. 51–66.
- Konstantinovskij D.L., Shubkin V.N. (1977) *Molodezh' i obrazovanie* [Youth and Education], Moscow: Nauka.
- Koroleva N.G. (2005) *Zemskoe samoupravlenie v Rossii, 1864–1918* [Local Self-government in Russia, 1864–1918], Moscow: Nauka.
- Larson M. (1977) *The Rise of Professionalism: A Sociological Analysis*, Berkeley: University of California Press.
- Lejkina-Svirskaya V.R. (1981) *Russkaya Intelligentsiya v 1900–1917 godakh* [Russian Intelligentsia in 1900–1917], Moscow: Mysl'.
- Lipovetsky M. (2013) The Poetics of ITR Discourse: In the 1960s and Today. *Ab Imperio*, no 1, pp. 109–131.
- Mankevich D.V. (2010) O nekotorykh problemakh razvitiya sovetskogo zdravookhraneniya Kaliningradskoj oblasti v kontse 1940-h – seredine 1950-h godov (po materialam oblastnykh arkhivov) [On Some Issues of the Development of Soviet Health Care in Kaliningradskaya Oblast in the late 1940s – mid-1950-s (on the Materials of Regional Archives)]. *Retrospektiva: Vsemirnaya istoriya glazami molodykh issledovatelej*, vol. 5, pp. 62–71.
- Mansurov V.A., Yurchenko O.V. (2013) Sotsiologiya professional'nykh grupp v Rossii: istoriya stanovleniya i perspektivy [Sociology of Professional Groups in Russia: History and Perspectives]. *Vestnik Instituta sotsiologii*, no 7, pp. 91–106.
- Mokhova A.V. (2010) Kadrovaya politika sovetskogo gosudarstva v 1930-h g. v sfere zdravookhraneniya (na primere Hakasii) [Cadre Policies of the Soviet State in Health Care in 1930s (The Case of Khakassia)]. *Izvestiya AltGU*, vol. 4, no 2, pp. 166–170.
- Mrowczynski R. (2012) Self-Regulation of Legal Professions in State-Socialism: Poland and Russia Compared. *Rechtsgeschichte* [Legal History], no 20, pp. 170–188. Available at: http://rg.rg.mpg.de/en/article_id/802, accessed 1 March 2017.
- Nakasima T. (2001) Izmenenie struktury inzhenerno-tehnicheskikh obshchestv v period velikogo pereloma [The Changes in the Structure of Engineering Societies During the Great Turning Point]. *Novyj mir istorii Rossii: Forum yaponskikh i rossijskikh issledovatelej* [The New World of Russia's History: the Forum of Japanese and Russian Researchers], Moscow: AIRO-XX, pp. 292–305.

- Narodnoe khozyajstvo SSSR v 1960 godu* (1961). Statisticheskij ezhegodnik [Economy of the USSR in 1960. Annual Statistical Edition], Moscow: Tsentral'noe statisticheskoe upravlenie pri Sovete Ministrov SSSR.
- Nikolaev V.G. (2011) *Robert Ezra Park kak teoretik sotsiologii. Izbrannye ocherki* [Robert Ezra Park as a Theorist of Sociology: Selected Essays], Moscow: Inion Ran.
- Novikova E.N. (2014) Okhrana materinstva i detstva sredi sel'skogo naseleniya USSR v 1930-h godah [Mother and Child Protection Among Rural Population of USSR in 1930s]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya* [Scholarly Digest of the Belgorod State University], vol. 8, no 179, pp. 115–123.
- Park R.E., Burgess E.W., Mackenzie R.D. (1925) *The City*. Chicago: University of Chicago Press.
- Podmarkov V.G. (1973) *Vvedenie v promyshlennuyu sotsiologiyu (sotsial'nye problemy promyshlennogo proizvodstva)* [Introduction into the Industrial Sociology (social Problems of Industrial Production)], Moscow: Mysl'.
- Pomeranz W. (1999) "Profession or Estate?" The Case of the Russian Pre-Revolutionary Advocatura. *Slavonic and East European Review*, vol. 2, no 77, pp. 241–268.
- Riska E., Novelskaite A. (2011) Professionalism and Medical Work in a Post-Soviet Society: Between Four Logics. *Anthropology of East Europe Review*, vol. 29, no 1, pp. 82–93.
- Romanov P. (1995) Middle Management in Industrial Production in the Transition to the Market. *Management and Industry in Russia. Formal and Informal Relations in the Period of Transition* (ed. Clarke S.), Aldershot, Brookfield: Edward Elgar, pp. 182–211.
- Romanov P.V., Yarskaya-Smirnova E.R. (2009) Mir professij: peresmotr analiticheskikh perspektiv [The World of Professions: a Revision of Analytical Perspectives]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 8, pp. 25–35.
- Romanov P., Iarskaia-Smirnova E. (2007) Truzera i kraby dlya sovet'skogo potrebitelya: budni podpol'nogo kapitalisma fartsovshchikov [Trousers and Crabs for the Soviet Consumer: the Everyday Underground Capitalism of Black Marketeers]. *Professii.doc. Sotsial'nye transformatsii professionalizma: vzgliady snaruzhi, vzgliady iznutri* [Profession.doc. Social Transformations of Professionalism: Views from Outside, Views from Inside] (eds. Romanov P., Iarskaia-Smirnova E.), Moscow: Variant, CSPGS, pp. 152–170.
- Rutkevich M.N. (1984) *K sotsial'noj odnorodnosti* [Towards Social Homogeneity], Moscow: Progress.
- Ryavec K.W. (2003) *Russian Bureaucracy: Power and Pathology*, Oxford: Rowman & Littlefield Publishers.
- Sciulli D. (2005) Continental Sociology of Professions Today: Conceptual Contributions. *Current Sociology*, no 53(6), pp. 915–942.
- Shattenberg S. (2000) Tekhnika – politichna: o novoi, sovet'skoi kulture inzhenera v 30-e gody [Machinery is Political: On the New Soviet Culture of Engineers in the 30s]. *Normy i tsennosti povsednevnoi zhizni: stanovlenie sotsialisticheskogo obraza zhizni v Rossii, 1920–1930-e gody* [Norms and Values of Everyday Life: the Formation of the Socialist Way of Life in Russia, 1920–1930s] (ed. Vihavainen T.), Saint Petersburg: Neva, pp. 193–217.
- Shattenberg S. (2011) *Inzheneriy Stalinia: zhizn' mezhdu tekhnikoj i terrorom v 1930e gody* [Stalin's Engineers: the Life Between Machinery and Terror in 1930s], Moscow: ROSSPĖN.
- Shchetinina G.I. (1995) *Idejnaya zhizn' russkoj intelligentsii: konets 19 – nachalo XX v.* [Intellectual Life of Russian Intelligentsiya: late 19th – early 20th century], Moscow: Nauka.
- Shepelev L.E. (1999) *Chinovnyj mir v Rossii: 18 – nachalo XX v.* [The World of Public Officials in Russia: 18th – early 20th century], Saint-Petersburg: Iskusstvo-SPb.
- Shubkin V.N. (1965) Molodezh' vstupaet v zhizn' (na materiale sotsiologicheskogo issledovaniya problem trudoustrojstva i vybora professii) [Youth Enters Life: a Sociological Study of Employment and Occupational Choice]. *Voprosy filosofii*, no 5, pp. 57–70.
- Siegrist H. (1990) Professionalization as a Process. Patterns, Progression and Discontinuity. *Professions in Theory and History. Rethinking the Study of the Professions* (eds. Burrage M., Torstendahl R.), London, Newbury Park, New Delhi, pp. 177–202.
- Statisticheskij ezhegodnik-1921 (1922) [Statistical Annual Edition]. *Trudy Tsentral'nogo Statisticheskogo upravleniya* [Works of the Central Statistics Administration], VIII (3). Available at: http://istmat.info/files/uploads/29739/statezh_1921_trud.pdf, accessed 1 March 2017.

- Strumilin S.G. (1921) K voprosu o klassifikatsii truda [On the Issue of Labor Classification]. *Organizatsiya truda* [Organization of Labor], no 1, pp. 2–6.
- Timoshenko S.O. (1997) *Inzhenernoe obrazovanie v Rossii* [Engineering Education in Russia], Lubertsy: PIK VINITI.
- Titma M.H. (1975) *Vybor professii kak sotsial'naya problema* [Choice of Profession as a Social Problem], Moscow: Mysl'.
- Tomoff K. (2006) *Creative Union: The Professional Organization of Soviet Composers, 1939–1953*, Cornell University Press.
- Vseobshchaya perepis' 1920 goda. Demograficheskoprofessional'naya i sel'sko-khozyaistvennaya, s uchetom promyshlennykh predpriyatii* [General Census 1920. With the Inclusion of Demographic, Occupational and Agricultural Breakdowns. Industrial Enterprises Taken into Account], Moscow: Tsentra'noe statisticheskoe upravlenie.
- Wilensky H.L. (1964) The professionalization of everyone? *American Journal of Sociology*, no 70, pp. 137–158.
- Zdravomyslova E.A., Temkina A.A. (2003) Gosudarstvennoe konstruirovaniye gendera v sovetskom obshchestve [State Construction of Gender in Soviet Society]. *Zhurnal issledovaniy sotsialnoj politiki*, vol. 1, no 3–4, pp. 299–322.
- Zhuravlev S.V., Mukhin M.Yu. (2004) «Krepost' sotsializma»: povsednevnost i motivatsiya truda na sovetskom predpriyatii, 1928–1938 gg. ['The Fortress of Socialism': Everyday Life and Motivation for Labor at a Soviet Enterprise, 1928–1938], Moscow: ROSSPEN.
- Zolotonosov M.N. (2013) *Gadyushnik. Leningradskaya pisatel'skaya organizatsiya. Izbrannyye stenogrammy s kommentariyami (Iz istorii sovetskogo literaturnogo byta 1940–1960h godov)* [Leningrad Writers Organization: Selected Notes with Comments (from the History of Soviet Writers' Everyday Life in 1940–1960s)], Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.